

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ СЕМЕЙ, СОХРАНЯЮЩИХ ТАЙНУ УСЫНОВЛЕНИЯ

Е.Б. Жуйкова, Л.С. Печникова

Описаны психологические особенности семей, усыновивших ребёнка и сохраняющих тайну усыновления. На основании результатов анализа материалов зарубежных исследований представлены некоторые аспекты становления института усыновления и семейного устройства. Обсуждаются социокультурные причины возникновения тайны усыновления, трансформация отношения к принимающей семье в обществе. Сопоставлено отношение общества к тайне усыновления в России и за рубежом, обозначены проблемы, стоящие перед научной психологией и практикой в связи с необходимостью оказания помощи принимающим семьям, сохраняющим тайну усыновления. На основе анализа случаев обращения принимающих семей за психотерапевтической помощью, а также обобщения литературных данных выделены психологические характеристики семей, сохраняющих тайну усыновления, которые рассматриваются в контексте перспектив формирования стратегии помощи таким семьям.

Ключевые слова: усыновление, тайна усыновления, семейное устройство, принимающая семья, приёмный ребёнок.

Долгое время в нашей стране задача воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, решалась в основном государством с помощью развития сети детских домов и школ-интернатов. Сейчас в соответствии с общемировой тенденцией в России поощряются такие формы замещающих семей, как усыновление и опека. Эффективное функционирование семей с приёмными детьми требует грамотного психологического сопровождения и изучения возникающих при этом проблем.

Институтом психологии Российской академии наук (ИП РАН) было проведено комплексное исследование людей, желающих взять на воспитание ребенка-сироту. Результаты анализа многочисленных зарубежных исследований и выделенные на их основе различные предикторы успешности функционирования замещающей семьи были положены в основу Практического руководства для помощи в осуществлении психологической диагностики кандидатов в замещающие родители (Махнач, Прихожан, Толстых, 2013). Однако вопросы, возникающие в связи с нарушением или сохранением тайны усыновления, в этом исследовании не поднимались (Бечук, Жуйкова, 2009).

В данной статье предлагается краткий обзор литературы по вопросам, связанным с тайной усыновления и психологией принимающих семей, ее сохраняющих, а также обо-

значается перспектива и значимость исследований таких семей в России.

Согласно Семейному кодексу Российской Федерации, усыновляющие ребёнка родители имеют право сохранять тайну усыновления, менять имя, дату (не более, чем на 3 месяца) и место рождения. В российском федеральном законе прописана такая возможность в отношении детей в возрасте до одного года, однако, по решению суда, это может осуществляться и для детей более старшего возраста (Семейный кодекс..., 2014). Согласие самого ребёнка на изменение имени требуется по достижении им десятилетнего возраста. По просьбе усыновителей суд может принять решение о регистрации усыновителей в книге записей рождений в статусе родителей усыновленного ими ребенка. Все эти меры призваны сохранять тайну усыновления, которая, согласно Семейному кодексу, «охраняется законом». Судьи, вынесшие решение об усыновлении ребенка, либо осуществившие государственную регистрацию усыновления должностные лица, а также лица, иным образом осведомленные об усыновлении, обязаны сохранять тайну усыновления. Разглашение такой тайны помимо воли усыновителей влечет ответственность в установленном законом порядке (Семейный кодекс..., 2014).

Опыт оказания психологической помощи семьям, воспитывающим приёмного ребёнка, показывает, что в целях сохранения тайны та-

кие семьи часто были вынуждены менять место жительства, прерывать контакты с близкими, минимизировать внесемейное общение. Тем не менее, им приходилось сталкиваться с рядом проблем, которые выявляются в ходе оказания психологической помощи: тревога перед возможностью раскрытия тайны, страх потери контакта с ребёнком, напряжённая обстановка в семье, ожидание периода подросткового возраста усыновленного возраста (когда «гены возьмут своё, а объяснить что происходит мы не сможем...») и многое другое.

В сообществе специалистов, занимающихся развитием в России семейного устройства, ведутся дискуссии о влиянии тайны усыновления на самого ребёнка и детско-родительские взаимоотношения, обсуждается перспектива отмены тайны усыновления. В связи с этим представляется актуальным провести обсуждение психологических особенностей семей, сохраняющих тайну принятия ребёнка, а также выделить основные направления оказания обращающимся за такой помощью семьям. Особо хотелось бы обратить внимание на проблему психотерапевтической работы с такими семьями в детской психиатрической клинике, особенно в случаях планируемого расторжения усыновления, обосновываемого неспособностью продолжения воспитания детей с различными психическими заболеваниями. В некоторых случаях дети узнавали о факте усыновления более чем через 10 лет после него, часто непосредственно перед его расторжением, иногда даже в зале суда.

Для понимания смысла и значения тайны принятия ребёнка важно обратить внимание на развитие феномена усыновления. Энн Хартман и Джоан Лейрд определяют усыновление как социальную договоренность, принятую в некоторых обществах для помощи детям, нуждающимся в родителях, и родителям, нуждающимся в детях. Формы этой опирающейся на ценности общества договоренности варьируются в разных культурах, и, со временем, могут также изменяться вместе окружающим социокультурным контекстом. (The Psychology of Adoption..., 1990).

Так, например, у некоторых народов Полинезии понятие усыновления отсутствует, поскольку дети не «принадлежат» их биологическим родителям, а «принадлежат» обществу в целом, и, в силу этого, в разные периоды времени по разным причинам могут переезжать из одного дома в другой. Среди некоторых этнических групп в США, практикующих расширенную форму семьи, формальное

усыновление встречается редко, так как в воспитании детей принимают участие не только их биологические родители, но и все члены расширенной семьи, которые в случае необходимости полностью берут на себя родительские обязанности. В традиционной Японии ввиду важности обеспечения преемственности поколений по мужской линии нередко случалось, что отец отдавал своего второго по очередности рождения сына своему брату, если у того не было наследников мужского пола (The Psychology of Adoption..., 1990).

В американской и европейской культуре долгое время преобладали ценности, определившие в итоге возможность возникновения тайны усыновления. Согласно этим ценностям, дети «принадлежат» родителям, которые наделены правами решать, что ребёнок может знать, а что – не может. При этом права детей ограничены относительно строгой (в контексте усыновления) концепцией отношений между родителями и детьми: биологические родители могут «отдать» своего ребенка в другую семью, при этом приемная семья может лишить ребенка права знать семью, в которой он родился. Важной особенностью европейской и американской культуры является большое значение, придаваемое традиционной нуклеарной биологической семье. Как следствие, все другие типы семей (включая приемные семьи) считаются в лучшем случае заменяющими традиционную биологическую семью, а в худшем – неполноценными или девиантными. До самого недавнего времени политика и практика усыновления в западном обществе формировались в основном именно на этих ценностных представлениях. Прилагались все усилия для того, чтобы максимально приблизить модель приемной семьи к модели биологической семьи. Более того, усыновление было призвано имитировать биологический процесс формирования семьи, и поэтому не считалось необходимым оказывать психологическую помощь семье, переживающей процесс адаптации после появления ребенка.

Закрытое усыновление, утаивание информации об истинном статусе приемной семьи, а также передача ребенку и приемным родителям очень ограниченной информации о биологической семье ребенка – все это было принято в США и Европе в середине прошлого столетия. Предполагалось, что знание о существовании биологической семьи наравне с приемной может стать травмирующим фак-

тором для ребенка. Это приводило к возникновению среди лиц, принимавших участие в усыновлении, договоренностей, направленных на удаление этого травмирующего фактора из жизни ребенка.

Попытки строить приемную семью по модели ее биологического аналога (вплоть до отказа от понимания различий между этими разными типами семей) привели к определенным последствиям. До недавнего времени психологических исследований проблем усыновления и переживания этого процесса разными участниками было не много. Одним из первых таких исследований было изучение D. Kirk особенностей установок принимающих родителей, представленное в монографии «Разделённая судьба» («SharedFate», (Kirk, 1964). Сам D. Kirk, будучи родителем четырёх приёмных детей, осуществил масштабное десятилетнее исследование: под его руководством в рамках проекта «Исследование Усыновления» («Adoption Research Project at McGill University») были изучены психологические особенности и опыт около 2000 принимающих родителей в США и Канаде. В большинстве своем это были пары, не имевшие кровных детей, что было характерно для того времени в этих странах. Основной вывод заключался в том, что воспитывающие приёмного ребёнка родители характеризуются восприятием себя как «неполноценных родителей», а своего родительского опыта – как «ограниченного» (феномен «role handicap» по D. Kirk). Принятие детей в семью, связанное с неспособностью иметь кровных детей, по данным, полученным D. Kirk, нередко было сопряжено с чувством собственной «ущербности»: многие чувствовали, что подвергаются дискриминации в связи с неспособностью продолжить род. При этом принятие детей, в большинстве случаев, к сожалению, не позволяло справиться с этими чувствами, а нередко лишь усиливало боль, горе, разочарование в себе как родителе. Исследованием установлено, что у приёмных родителей существует два способа совладания с этим напряжением и чувствами:

а) стараться забыть, что они не являются кровными родителями ребёнка; представлять себя теми, кем на самом деле они не являются (иными словами, стараться не просто сохранять тайну усыновления, но и убеждать себя в том, что они есть единственные мама и папа ребёнка);

б) стараться справиться со своим желанием быть единственными родителями для приёмного ребёнка и признать значимость для

него его кровной семьи (то есть не соблюдать тайну усыновления, подчеркивать важность связей детей как с приёмными, так и с кровными родителями).

Эти две стратегии – отвержение либо принятие статуса принимающей семьи и самого факта приёмности («отвержение различий» и «признание различий» по D. Kirk), – отражают готовность или неготовность принимающих родителей учитывать разницу между отношениями, складывающимися у них с кровным и приёмным ребёнком. Выполненный D. Kirk анализ семей, выбирающих разные стратегии, показывает, что использование первой стратегии позволяет семье избавиться от части проблем, не позволяя социуму поставить под сомнение их родительский статус. Семьи же со второй стратегией были вынуждены жить с чувством неуверенности в уникальности собственной родительской роли, однако именно такая стратегия открывала дорогу к близости между приёмными родителями и приёмными детьми, сплоченной пониманием общности судьбы и переживаний, схожести ситуации и для детей, и для родителей. Таким образом, признание факта «приёмности детей» дается нелегко, зато оно предоставляет возможность членам семьи принять свою судьбу как «непростую», но «общую» (Kirk, 1964).

Происходящее в последние десять лет в области усыновления можно назвать революцией: в результате развития социального контекста произошло переосмысление процессов усыновления, что привело к пересмотру многих убеждений и ценностей, обуславливавших практику усыновления на протяжении десятилетий (Barbo, 1998; Keefer, Schooler, 2000; The Psychology of Adoption..., 1990).

Толчком к таким изменениям послужили правозащитные движения, зародившиеся в 1960-е годы XX века и охватившие в 70-е годы проблемы многих угнетенных и лишенных прав социальных групп. В частности, общественные движения по защите прав ребенка стали ответом на пришедшее понимание права каждого ребенка на постоянную семью и дом. Постулат «любой ребенок может быть усыновлен» стал формировать новую практику усыновления, в которой особый акцент делается на усыновление старших детей, детей с особыми образовательными потребностями и возможностями здоровья, а также с физическими или психическими сложностями. Такое усыновление не могло копировать модель биологической семьи, поскольку в новые се-

мы попадали дети со своей историей, воспоминаниями, жизнью, начавшимися еще до того, как эти дети стали частью приемной семьи (The Psychology of Adoption..., 1990).

Общественные движения по защите прав приемных детей и по поиску их биологических родителей, подчеркивавшие значимость связи ребенка с его биологической семьей и разрушительное действие тайн в семье, предложили пересмотреть базовую структуру традиционного усыновления.

В то же время доступность адекватных мер контроля рождаемости, легализация аборт, а также изменение общественных норм, сделавшее возможным для незамужней женщины сохранить и самостоятельно растить своего ребенка, существенно сократили количество детей, доступных для усыновления бездетными парами. Такие пары стали чаще решаться на межрасовое усыновление, усыновление за границей или же принимать в свою семью детей с особыми потребностями (McCormick, 1998).

Современные исследования указывают на смену «поколений» усыновителей: все реже встречаются такие, кто стремится к «роли» кровных родителей, сохраняя при этом тайну усыновления, стараясь дать жизнь кровному малышу с помощью возможностей современной медицины. Наряду с этим усыновители, готовые принять детей из другой семейной системы, и принимающие особый статус своей, отличающейся от кровной семьи, предпочитают говорить об этом открыто (Hoksbergen, 2008; McCormick, 1998; Williams, 1992).

Развитие семейного устройства, переосмысление усыновления в России несколько отличается от аналогичных процессов на Западе. Большое число семей и специалистов считают важным сохранять тайну усыновления. Однако постепенно изменяющееся отношение в обществе к тайне усыновления поставило перед психологами задачи, связанные с исследованием влияния такой тайны на взаимоотношения в семье, на причины ее сохранения, последствия ее раскрытия и многое другое.

Большинство выводов, приведенных ниже, сделаны авторами статьи на основе анализа хода психотерапевтических сессий с принимающими семьями. Выделим основные психологические особенности семей, сохраняющих тайну усыновления.

1. Чувство бессилия и стремление к избеганию.

Некоторые аспекты ситуации усыновления могут привести родителей к ощущению собственного бессилия. Во-первых, приемные родители, сохраняющие тайну, как правило, не могут иметь своего (биологического) ребенка, что переживается ими как серьезная травма и создает ощущение неспособности как-то повлиять на эту ситуацию (The Psychology of Adoption..., 1990). Кроме этого, родители переживают тревогу в связи с невозможностью полностью скрыть от окружающих факт усыновления. Пытаясь справиться с ней, они прерывают связи с окружением, меняют места жительства, имитируют беременность, убеждают себя в отсутствии разницы между усыновленными и биологическими детьми и т. д.

Другим фактором, формирующим чувство бессилия, является ситуация, связанная с организацией усыновления. Вне зависимости от того, насколько грамотно осуществляется процесс инспектирования потенциальной приемной семьи и принятия решения о возможности усыновления, супруги все равно оказываются в ситуации, когда другие люди (сотрудники органов опеки и попечительства, суд) будут решать, смогут они стать родителями или нет. Приемные родители могут также чувствовать себя бессильными повлиять на то, что они интерпретируют в поведении ребенка как дурную наследственность или последствия полученной в раннем детстве травмы. Такие семьи особенно страдают от чувства бессилия, если их лишили возможности получить информацию о происхождении ребенка, позволяющей им получить ключ к пониманию ребенка и к оказанию ему необходимой помощи. Они также страдают от бессилия и чувства собственной некомпетентности в тех случаях, когда у них не получается быть успешными родителями (The Psychology of Adoption..., 1990).

2. Страх плохой наследственности ребенка.

Безусловно, тревога, связанная с возможностью «проявления плохой наследственности» у ребенка, в целом характерна для принимающих семей. Однако в семьях с сохраняемой тайной усыновления имеется меньше возможностей для совладания с ней, прежде всего – в связи с предъявлением приемными родителями себя в качестве кровных. Энн Хартман и Джоан Лейрд отмечают, что таким родителям начинает казаться, что не важно, что они делают, наследственность все равно сформирует характер и личность их ребенка (такая система убеждений о плохой наследственности опреде-

ляется ими как «миф о дурном семени»). Такой «ужас перед генами» родители часто подавляют или отрицают. Однако в результате таких попыток он проявляется в гипертрофированной реакции на то, что в обычной семье можно было бы счесть несущественным нарушением правил (The Psychology of Adoption..., 1990). Эмоциональный отказ от истории ребёнка и семьи в целом делает ее еще более могущественной, так как отделяет приемную семью от знания и понимания прошлого в жизни ребенка, что могло бы привести к консолидации его личности и его интеграции в семью. Более того, сторонники психодинамического и семейного подхода в психологии и семейной психотерапии сходятся во мнении, что «отрезанная» или «потерянная» информация может приобретать огромное значение. Эти «духи из прошлого» воплощаются; они становятся существенными источниками идентификации, даже если их очертания смутны или искажены. При этом считается, что отрезанная, отрицаемая или потерянная информация о прошлом (так называемые «семейные духи», ставшие частью семейной мифологии или семейной тайной), может стать такой же движущей силой в формировании динамики семьи, как и сами члены семьи и доступная осознанию и использованию информация. Борьба со страхом при помощи его отрицания приводит к тому, что то, чего больше всего боится приемная семья, может осуществиться (The Psychology of Adoption..., 1990).

3. Потребность быть идеальным родителем и идентификация с кровными родителями.

Как в принимающих семьях, так и в обществе существует сформированное представление о том, что приемные родители по какой-то причине должны быть лучше, чем родители, ставшие родителями биологическим путем. В отличие от биологических родителей, приемные как бы должны заранее продемонстрировать, что будут хорошими родителями. Именно по этому поводу их проверяют и интервьюируют. С недавнего времени будущие приемные родители в России должны проходить специальную подготовку. Кроме того, некоторые не способные иметь собственных детей пары переживают свое бесплодие как поражение и испытывают потребность компенсировать свой «неуспех». Именно потому для них особенно важно доказать, что они могут быть успешными родителями (Kirk, 1964).

Тайна усыновления сопряжена с отрицанием кровной семьи ребенка, формированием са-

моидентичности «настоящих родителей». Таким образом, усыновители, с одной стороны, «становятся на место» кровных родителей, а с другой – противопоставляют себя им, представляя кровную семью как носителя «плохой истории», отвергая ее. Противопоставление «плохой» кровной семьи по отношению к своей – «идеальной», обесценивание кровной семьи за счет «наращивания» собственной ценности формирует особое представление о себе как об идеальном родителе. Такое противопоставление настраивает приемную семью на нереалистичные перфекционистские ожидания относительно собственной эффективности в качестве родителей (по типу «я-то буду идеальным родителем», «мы будем лучше»), и при возникновении трудностей, которые могут возникать с любым ребенком, происходит «крах» самооценки. Соправление с этими переживаниями нередко идет по пути надления ребёнка ролью «козла отпущения» (по типу «не мы не справились, а он – плохой»), что становится поводом для помещения в психиатрическую клинику, а затем – вторичного отказа.

Такие темы отрицания и связей являются важными для всех семей и часто становятся центральными в их совместной работе с психологом. В приемных семьях тема отрицания, разорванности связей почти всегда очень болезненна, хоть зачастую бывает покрыта завесой тайны. Приемных родителей пугают «сумрачные фигуры» из прошлого ребенка, а ребенок, чувствуя этот страх, защищает свою прошлую семью, отрицая и скрывая свое любопытство, свои переживания и свою тоску (The Psychology of Adoption..., 1990).

4. Закрытые границы и неясные коммуникации.

Семьи, сохраняющие тайну усыновления, вынуждены ограничить внешние контакты семьи, угрожающие раскрытию тайны. Приемные родители могут с тревогой реагировать на вопросы окружения, придавая им смысл небезопасных. Снизить напряжение позволяет уменьшение частоты контактов и формализация общения с окружающими. Для таких семей характерна повышенная сплочённость (по типу «спутанности») и замкнутость; в них существует множество регулирующих коммуникации правил (часто негласных). Темы, связанные с историей семьи, появлением детей, становятся полем для конструирования запутанных коммуникаций, включающих кодирование и негласные правила, регламентирующие избегание их обсуждения. Наряду с этим, члены семьи стремятся «разрядить напряжение», создающееся в ре-

зультате усилий по сохранению тайны, испытывают потребность с кем-то поделиться этой информацией путем, например, сообщения этой «тайны» различным специалистам (Бebчук, Жуйкова, 2009).

5. Раскрытие тайны.

Большинство принимающих родителей не предполагают, что будут сохранять тайну всегда, и откладывают разговор на «более благоприятный возраст» ребенка. Часто за таким решением стоит тревога и неготовность обсуждать сложные темы собственной семейной истории и истории кровной семьи. В то же время обоснование такого решения связано с потребностью защитить ребенка от того, что его особенности и происхождение будут пристально рассмотрены не входящими в состав семьи людьми. Так, L.R. Melina при исследовании проблемы трудностей принимающих родителей в обсуждении темы усыновления отмечает, что, по мнению усыновителей, окружающие считают возможным задавать им очень личные вопросы, на которые они обязательно должны будут ответить. Вероятно, что ограничения, характерные для обычных семей в предъявлении частной информации, на приемных родителей практически не распространяются, поскольку они просто привыкли отвечать незнакомым людям на личные вопросы в течение курса лечения от бесплодия и в процессе усыновления. Люди задают откровенные вопросы, вероятно, еще и потому, что усыновление – относительно публичный способ создания приемной семьи, требующий одобрения общества (в том числе – в лице юридической системы). В результате этого может показаться, что приемные родители стали «публичными фигурами» и имеют меньше прав на личную жизнь, чем остальные. Потребность в сохранении границ семьи – одна из причин, почему раскрытие тайны откладывается (Melina, 1991). Другой проблемой для принимающих родителей является предполагаемая реакция ребенка на информацию о своём истинном статусе. После раскрытия тайны нередко отмечается рост недоверия между приемными родителями и детьми. Разочарование всех членов семьи сочетается со страхом потери целостности семьи, проявляющимся как у ребенка, так и у родителей. У ребенка нередко развивается агрессия к родным и к приёмным родителям на фоне фантазии компенсаторного характера по поводу родных родителей. Подростки могут уходить из дома, чувствовать себя исключёнными, выражают сомнения в адрес родителей: «Если

мне не говорили, что не они мои родные родители, может быть, они еще в чём-то были неискренни, например, когда говорили, что любят?!» Совладание с кризисом, который нередко развивается вслед за раскрытием тайны, требует значительных «затрат» для семьи, заставляя переосмыслить взаимоотношения в семье, изменить правила и характер коммуникаций (Бebчук, Жуйкова, 2009).

Если тайна раскрывается не приемными родителями, а также в тех случаях, когда разговор об усыновлении имеет лишь локальный характер, правила и ритуалы для обсуждения этой темы в семье не сформированы, может формироваться негласный запрет на разговор о происхождении ребёнка. Родители в этом случае отмечают, что ребёнок «не хочет говорить» о своей истории, а «мы его и не травмируем». В таких семьях нередко встречается фантазирование у ребёнка, заполняющее «белые пятна» там, где информации не хватает, а также формирование негативного образа кровной семьи как части истории, о которой «лучше не говорить» и которая «может травмировать». Такая динамика может приводить как к формированию конфликта лояльности (одновременно к кровным и к приёмным родителям), так и к трудностям становления идентичности ребёнка.

Исследования семей, сохраняющих тайну усыновления, осложнены еще и тем, что психологические аспекты этой проблемы становятся доступными анализу только в тех случаях, когда за такой помощью обращаются семьи, которые находятся в кризисе, что и вынуждает их обращаться в психологические центры и психиатрические клиники. Важно признать, что семьи, сохраняющие тайну и не сообщающие об этом специалистам, находятся за пределами такого рода исследований. Тем не менее, продолжение изучения психологических особенностей семей создает базу для формирования программ помощи таким семьям, что имеет особое практическое значение для развития профилактики вторичных отказов от приёмных детей.

Литература/References

1. Бebчук М.А., Жуйкова Е.Б. Системный подход к психологии семьи, М., Мир Семьи, 2009, 105 с. [Bebchuk M. A., Zhuykova E.B. *Sistemnyy podkhod k psikhologii sem'i* (A systematic approach to the psychology of the family), Moscow, Family World Publ., 2009, 105 p.]
2. Махнач А.В., Прихожан А.М., Тол-

стных Н.Н. Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители. М., Изд-во «Институт психологии РАН», 2013, 218 с. [Makhnach A.V., Prikhozhan A.M., Tolstykh N.N. *Psikhologicheskaya diagnostika kandidatov v zameshchayushchie roditeli* (Psychological diagnostic candidates in foster parents). Institute of psychology Russian academy of sciences Publ. Moscow, 2013, 218 p.]

3. Семейный кодекс Российской Федерации, М., Эксмо, 2014. [*Semeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* (Family Code of the Russian Federation), Moscow, 2014].

4. Barbo A.M. The Meaning of Parenthood After In Vitro Fertilization Has Failed: An In-depth Interview Study of Infertile Couples. Ph.D. diss., New York University, 1992.

5. Hoksbergen R.A.C. Changes in Motivation for Adoption, Value Orientations and Behavior in Three Generations of Adoptive Parents.

Adoption Quarterly, 1998, vol. 2, no. 2, pp. 37–55.

6. Keefer B., Schooler J.E. Telling the Truth to Your Adopted or Foster Child. Making Sense of the Past, 2000, Bergin & Garvey, Westport, CT.

7. Kirk D. Shared Fate: A Theory of Adoption and Mental Health, New York, The Free Press of Glencoe, 1964.

8. Melina L.R. Even well adjusted parents can be uneasy disclosing adoption, *Adopted child*, January 1991, vol. 10, no. 1, USA.

9. Mc Cormick K.A. Moms Without Dads: Women Choosing Children. Ph. D. diss., Ohio State University, 1992.

10. *The Psychology of Adoption*. Brodzinsky D.M., Schechter M.D. (eds.). NY Oxford, Oxford University press, 1990.

11. Williams L.S. Adoption Actions and Attitudes of Couples Seeking In Vitro Fertilization: An Exploratory Study. *Journal of Family*. Issues March 1992, vol. 13, no. 1, pp. 99–113.

Жуйкова Екатерина Борисовна, младший научный сотрудник, Научно-профилактический центр психического здоровья детей и подростков департамента здравоохранения г. Москвы e.b.zhuykova@gmail.com

Печникова Леонора Сергеевна, доцент кафедры нейро- и патопсихологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, pech56@mail.ru

Поступила в редакцию 30 марта 2014 г.

**Bulletin of the South Ural State University
Series "Psychology"
2014, vol. 7, no. 2, pp. 22–28**

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF FAMILIES KEEPING THE SECRECY OF ADOPTION

E.B. Zuykova, *Scientific and practical center of mental health for children and adolescents (Healthcare department Moscow), Moscow, Russian Federation, e.b.zhuykova@gmail.com*

L.S. Pechnikova, *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, pech56@mail.ru*

The article is devoted to psychological characteristics of families who have adopted a child and preserving the secrecy of adoption. Based on the analysis of foreign researches, several aspects of the institute of adoption and family constitution were listed and discussed, as well as the socio-cultural causes of the secrecy of adoption, the transformation of attitude to a host family in society. The authors compared the attitude of society to the secrecy of adoption in Russia and abroad, denoted challenges that scientific psychology and practices are facing because of the need for assistance to host families, preserving the secrecy of adoption. Based on the analysis of cases applied for psychotherapeutic help host families, as well as extensions of published data, the researchers highlighted psychological characteristics of the families, that preserve the secrecy of adoption. Highlighted features are discussed in context of the prospects of forming a help strategy for such families.

Keywords: adoption, the secrecy of adoption, family constitution, host family, a foster child.

Received 30 March 2014